

Разрушь меня

*Моим родителям и мужу.
Когда я сказала, что хочу дотронуться до Луны,
ты взял меня за руку, обнял и научил летать*

Передо мною два пути,
Но сразу по двум нельзя идти,
И выбрал я неторный путь,
Который немногие выбирали.

*Роберт Фрост.
Неизбранная дорога*

Глава 1

Я сижу под замком двести шестьдесят четыре дня. У меня нет ничего, кроме маленькой записной книжки, сломанного карандаша и цифр в голове, составляющих мне компанию. Одно окно. Четыре стены. Сто сорок четыре квадратных фута пола. Двадцать шесть букв алфавита. Я молчу все двести шестьдесят четыре дня изоляции.

Шесть тысяч триста тридцать шесть часов я не касалась другого человека.

— У тебя будет сокамерник сосед, — сказали они.

— Надеемся, ты здесь сгниешь За хорошее поведение, — сказали они.

— Еще один псих, вроде тебя Изоляции больше не будет, — сказали они.

Они — миньоны Оздоровления, инициативы, которая должна помочь нашему умирающему обществу. Они вытащили меня из родительского дома и заперли в психлечебницу за нечто неподвластное мне. Никому нет дела, что я не знала о своей способности. Не знала, что делаю.

Я не знаю, кто я.

Знаю только, что меня шесть часов тридцать семь минут везли сюда в белом фургоне. Я знаю, что меня приковали к сиденью наручниками. Я знаю, что меня привязали к стулу. Я знаю, что родители даже не сочли нужным попрощаться. Я знаю, что не плакала, когда меня увозили.

Я знаю, что небо с каждым днем приближается к земле.

Солнце падает в океан, заливая коричневыми, красными, желтыми, оранжевыми брызгами мир за окном. Миллионы

листьев с тысяч разных веток окунаются в ветер, трепещут от лживого обещания полета. Порывы ветра подхватывают их высохшие крылья лишь для того, чтобы, забытых, бросить на землю, под ноги солдатам, расквартированным на этой улице.

Сейчас уже не так много деревьев, как раньше, говорят ученые. Когда-то наш мир был зеленым, облака белыми, а солнце давало правильный свет. Но я плохо помню тот мир. Я мало что помню из прежнего. Единственное существование, которое я знаю, — то, что мне назначили. Эхо прежней жизни.

Прижимаю ладонь к маленькому квадрату стекла и ощущаю, как холод сжал мне руку знакомым приветствием. Мы оба одиноки, оба существуем безальтернативно.

Беру почти бесполезную ручку, из которой разрешаю себе тратить очень немного пасты в день, и смотрю на нее. Оставь, брось попытки записывать. Может, сосед даже хорошо. Разговор с живым человеком — тоже облегчение. Вспоминаю, как пользоваться голосом, складываю губы, выговаривая знакомые слова, от которых отвык рот. Практикуюсь целый день.

Удивляюсь, что не разучилась говорить.

Скатываю записную книжку в комок и засовываю в трещину в стене. Сажусь на покрытые простыней железные прутья, заменяющие мне постель, и жду. Раскачиваюсь взад-вперед и жду.

Я ждала очень долго и заснула.

Открыв глаза, вижу над собой в упор два глаза, две губы, два уха и две брови.

подавляю крик, подавляю желание убежать, подавляю ужас, сковавший мое тело.

— Ты же ма... ма...

— А ты девочка. — Подвигав бровями, он встает — лицо отодвигается — с ухмылкой, не улыбкой. Мне хочется плакать, я смотрю на него с отчаянием, страхом, то и дело бросая взгляды на дверь, которую бесчисленное число раз пыталась открыть. Они заперли меня с мальчишкой. С мальчишкой!

Боже, они пытаются меня убить!

Они сделали это нарочно.

Новая пытка, мучить меня отсутствием сна. Рукава у... сокамерника закатаны до локтей, руки густо покрыты татуировками. В брови след от пирсинга — кольцо, видимо, отобрали. Синие глаза, темные волосы, волевой подбородок, стройное,

мускулистое тело. Красавец. Опасный. Ужасный. Чудовищный.

Сокамерник засмеялся. Я упала с кровати и отползла в угол.

Он смерил взглядом тощую подушку на второй кровати, которую утром поставили на свободное место, комковатый матрац и вытертое до основы одеяло: оно прикроет его максимум до лопаток. Посмотрел на мою кровать. Затем на свою.

Одной рукой он сдвинул кровати вместе и ногой пихнул металлические рамы к одной стене. Растянулся на двух матрацах, взбил мою подушку и сунул себе под шею. Меня затрясло.

Я закусила губу и забилась в угол потемнее.

Он украл мою постель, мое одеяло, мою подушку.

Мне остался только пол.

У меня будет только пол.

Я никогда не буду с ним драться, потому что боюсь, я парализована страхом, превратилась в настоящего параноика.

— Так ты что, сумасшедшая? Поэтому тебя тут держат? — Я не сумасшедшая. Он приподнялся на локте, вглядываясь мне в лицо, и снова засмеялся. — Я не собираюсь ничего с тобой делать.

Хотелось бы верить. Я не верю ему.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Не твоё дело. Сам сначала назовись.

До меня долетел раздраженный вздох. Сокамерник повернулся спиной на кровати, половина которой только что была моей. Я не спала всю ночь, положив подбородок на колени, крепко обхватив себя руками и свесив длинные темные волосы — единственную завесу между нами.

Я не буду спать.

Я не могу спать.

Не могу снова слышать эти крики.

Глава 2

Утро встретило нас запахом дождя.

Воздух в камере промозглый и тяжелый от запаха мокрого камня и сырой земли. Глубоко вздохнув, на цыпочках подхожу к окну и прижимаюсь носом к холодной поверхности. От моего дыхания стекло запотеваает. Закрыв глаза, слушаю мягкие частые удары капель, не заглушаемые ветром. Капли до-

жда — единственное напоминание о том, что у туч тоже бьется сердце. Как и у меня.

Меня всегда интересовали дождевые капли.

Ведь это же интересно, как они падают, спотыкаясь, ломая ноги, забывая парашюты, когда вываливаются из туч и несутся к неизвестному финалу. Словно кто-то вытряхивает над землей карманы, не заботясь, куда попадет содержимое, не думая, что капли разбиваются, ударившись о землю, оставляя мокрые кляксы на асфальте, и что люди проклинают дни, когда дождевые капли осмеливаются постучаться к ним в дом.

Я дождевая капля.

~~Родители вытряхнули меня из карманов и оставили испаряться на бетонной плите.~~

Окно говорит мне, что мы недалеко от гор и близко к воде, но сейчас все в мире близко к воде. Я только не знаю, с какой мы стороны, куда выходит окно камеры. Прищуриваюсь от раннего утреннего света. Кто-то поднял солнце и прищипил к небесам, но каждый день небо нависает немного ниже, чем накануне. Словно невнимательный родитель, который знает тебя лишь наполовину, солнце не замечает, как меняются люди в его отсутствие. В темноте мы становимся совсем другими.

Внезапный шорох означает, что мой сокамерник проснулся.

Резко оборачиваюсь, словно меня опять застали за кражей еды. Это случилось всего однажды, но родители не поверили, что я взяла ее не для себя. Я говорила, что пытаюсь спасти бродячих кошек за углом, но они не считали меня настолько человеческой. Только не я. Не такая такая, как я. Впрочем, они никогда не верили мне, поэтому я и оказалась здесь.

Сокамерник испытующе смотрит на меня.

Он заснул, не раздеваясь, в темно-синей футболке и светлых штанах со множеством карманов, заправленных в высокие, до голени, ботинки.

На мне одежда из мертвого хлопка*, зато щеки зарделись живыми розами.

Он медленно прошелся взглядом по моей фигуре, и от этого неторопливого разглядывания у меня забилось сердце. Розо-

* Низкосортный хлопок из волокон с пороком естественного происхождения. — *Здесь и далее примеч. пер.*

вые лепестки опали со щек и закружились коконом, отчего-то лишая меня мужества.

Перестань на меня смотреть, хочь я сказать.

Перестань трогать меня своими глазами, держи руки при себе и — пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

— Как тебя зовут? — Он наклонил голову набок, и сила тяжести расколосась пополам.

Выжидаю минуту, моргаю, выравниваю дыхание.

Он шевельнулся, и мои глаза брызнули тысячей осколков. Рикошетом разлетевшись по комнате, они делали миллион снимков, миллион моментальных фотографий. Мельтешившие образы поблекли от времени, замороженные мысли робко затрепетали в мертвом пространстве, ураган воспоминаний рвал душу. Сокамерник напоминает мне человека, которого я знала.

Резкий вздох, и я очнулась.

~~Хватит грезить наяву.~~

— За что ты здесь? — спрашиваю я, обращаясь к трещинам в бетонной стене. Четырнадцать трещин в четырех стенах, тысячи оттенков серого. Пол, потолок — все бетонное. Жалкие лежа — кроватиные рамы — сварены из старых водопроводных труб. Маленький квадрат окна, слишком толстое стекло, чтобы выбить. Надежда иссякла. Глаза болят, трудно сфокусировать взгляд. Палец медленно ведет дорожку по холодному полу.

Я сижу на полу, где пахнет льдом, металлом и грязью. Сокамерник усаживается напротив по-турецки. Слишком блестящие у него ботинки для этого заведения.

— Ты меня боишься. — Его низкий голос не имеет формы.

Пальцы сами сжались в кулак.

— Я боюсь, что ты псих.

Может, я и лу, но это не его дело.

Сокамерник фыркает. Звук эхом отдается в мертвом воздухе камеры. Я не поворачиваю головы, не смотрю в глаза, сверлящие меня. Вдыхаю затхлость, переработанный кислород. Горло сжимается от знакомого ощущения, которое я уже научилась подавлять.

Два стука в дверь возвращают меня к реальности.

За долю секунды сокамерник оказывается на ногах.

— Там никого нет, — говорю я. — Это наш завтрак.

Двести шестьдесят четыре завтрака, а я так и не разобралась, из чего они состоят. Пахнущий химией аморфный кусок, который всегда приносят, когда уже нет сил терпеть голод. Иногда слишком сладкий, иногда пересоленный, но всегда отвратительный. Большую часть времени я слишком голодна, чтобы замечать разницу.

Я слышу, как сокамерник после секундного колебания подошел к двери, отодвинул задвижку маленькой щели и выглянул в мир, которого нет.

— Черт! — Он буквально запустил подносом в отверстие и прижал ладонь к рубашке. — Черт, черт! — Он сжал пальцы в кулак и стиснул челюсти. Обжегся. Я бы предупредила, если бы он слушал.

— Нужно выждать минимум три минуты, а потом уже трогать поднос, — говорю я стене, не глядя на зажившие шрамы, украшающие мои маленькие руки. На ожоги, которых никто не научил меня избегать. — Мне кажется, они делают это специально, — тихо добавляю я.

— О, сегодня ты со мной разговариваешь? — Он зол, в его глазах блеск, но он отводит взгляд. Я понимаю, что он скорее смущен, чем рассержен. Сильный. Слишком сильный, чтобы делать дурацкие ошибки на глазах у девчонки. И слишком гордый, чтобы выдать боль.

Смыкаю губы, глядя в маленький стеклянный квадрат, который здесь называется окном. Сейчас животных почти не осталось, но я слышала рассказы о летающих птицах. Может, если повезет, однажды я увижу такую. Теперь в ходу самые дикие слухи, в которые мало верится, но я от многих слышала, что за последние несколько лет они своими глазами видели летающую птицу. Поэтому я смотрю в окно.

Сегодня я увижу птицу. Она будет белой, с золотой макушкой вроде короны. Она пролетит мимо окна. Сегодня я увижу птицу. Она будет белой, с золотой макушкой вроде короны. Она пролетит мимо окна. Сегодня я...

Его рука.

На моем плече.

Кончики пальцев.

Два пальца касались меня через одежду меньше секунды, и каждый мускул, каждая связка моего тела налились напряжением, сплелись в узлы, от которых каменеет спина. Я оста-

лась очень спокойной. Я не двигаюсь, не дышу. Может, если не двигаться, прикосновение продлится вечно.

До меня никто не дотрагивался двести шестьдесят четыре дня.

Порой казалось, что одиночество во мне вот-вот взорвется, выдавившись через кожу, и я не знала, поможет ли мне плач, крики или истерический смех. Иногда я так отчаянно хотела к кому-нибудь прикоснуться и, в свою очередь, ощутить прикосновение, что почти не сомневалась — вот-вот я попаду в альтернативную вселенную, где меня никто не найдет.

Это уже перестало казаться невозможным.

Я кричала много лет, но никто меня не слышал.

— Ты что, есть не хочешь? — говорит сокамерник тише и с ноткой волнения.

— Я умираю с голоду двести шестьдесят четыре дня. Нет. — Сорвавшееся с губ слово не громче дыхания. Я обернулась — я не должна была оборачиваться, но обернулась. Он внимательно смотрит на меня. Изучает. Губы приоткрылись, руки растерянно повисли, глаза с длинными ресницами в замешательстве моргают.

Меня будто ударили под ложечку.

Его глаза. Что-то в его глазах.

Это не он, не он, не он, не он, не он...

Я отодвинула от себя тот мир, заперла его, с огромным трудом повернув ключ.

Тьма спрятала меня в своих складках.

— Эй...

Резко открываю глаза. Словно от двух разбитых окон, рот наполнился стеклом.

— Что с тобой? — Он силится говорить безразлично, но сквозь напускное равнодушие в голосе слышится тревога.

Ничего.

Сосредоточиваюсь на прозрачном квадрате, вбитом между мной и свободой. Я хочу разможжить этот бетонный мир, чтобы и памяти о нем не осталось. Я хочу быть больше, лучше, сильнее.

Я хочу быть злой, злой, злой.

Я хочу стать птицей, которая улетит отсюда.

— Что ты пишешь? — спрашивает сокамерник. — Почему не отвечаешь? — Он слишком близко, слишком близко, слишком близко.

Собственную словесную блевотину.

~~Жалкая ручка служит мне пищеводом.~~

~~А мятый листок унитазом.~~

Никто никогда не подходил ко мне так близко.

Сквозь зубы всасываю воздух и жду, пока он отойдет, как все остальные в моей жизни. Не отрываю глаза от окна, от обещания еще возможного чуда. От обещания чего-то большего, лучшего, оправдания безумия, зреющего во мне, объяснения моей неспособности сделать хоть что-нибудь, не разрушив, не испортив. Сегодня я увижу птицу. Она будет белой, с золотой макушкой вроде короны. Она пролетит мимо окна. Сегодня я увижу птицу. Она...

— Эй...

— Не касайся меня, — шепчу я. Лгу, скрывая от него, что жажду прикосновений. Пожалуйста, трогай меня, хочется мне сказать.

Но когда ко мне прикасаются люди, происходит... всякое. Странное. Скверное.

Смертельное.

Я не помню тепла объятий. Руки болят от неизбежного льда изоляции. Собственная мать не могла держать меня на руках. Отец не мог согреть мои ледяные руки. Я жила в мире пустоты.

Привет.

Мир.

Ты меня забудешь.

Тук-тук.

Сокамерник вскакивает на ноги.

Время принимать душ.

Глава 3

Дверь открывается в черную бездну.

Там нет ни цвета, ни света, ни обещаний, там только ужас, с той стороны. Никаких слов, никаких указаний, только открытая дверь, которая всякий раз означает одно и то же.

У сокамерника снова вопросы.

— Что за черт? — Он переводит взгляд с меня на иллюзию побега. — Нас выпускают?

Они нас никогда не выпустят.

— Пора принимать душ.

— Душ? — Оживление пропадает, но голос по-прежнему звенит от любопытства.

— У нас мало времени, — говорю я. — Надо торопиться.

— Подожди, куда? — Он тянется к моей руке, но я отодвигаюсь. — Света же нет, куда идти, не видно...

— Быстрее. — Я внимательно смотрю на пол. — Держись за подол моей рубашки.

— Да о чем идет речь?

Вдалеке раздался сигнал тревоги. Сирена все ближе, звук нарастает, и вот камера уже содрогается от предупреждающего воя. Дверь медленно поехала обратно. Я схватила сокамерника за футболку и решительно повела в темноту.

— Ничего. Не. Говори.

— Но...

— Ничего! — шикаю я, таща его за край футболки и нащупывая дорогу в лабиринте коридоров. Психиатрическая лечебница. Центр для неблагополучных подростков, для заброшенных детей из распавшихся семей, надежный приют для психически дефективных. Это тюрьма. Нас почти не кормят, мы не видим друг друга, разве что в редких лучах света, украдкой пробирающихся через трещины в стеклянных квадратах, которые они называют окнами. Ночи наполнены криками и заглушенным плачем, воплями и стонами, звуками рвущейся плоти и ломающихся костей по воле сил и по выбору, неведомому мне. Три первых месяца я провела в собственном смраде — никто не сказал, где находятся душевые. Никто не говорил, как там включать воду. С нами не говорят, только сообщают плохие новости. Никто никогда к нам не прикасается. Юноши и девушки никогда не видят друг друга.

Вчерашний день стал исключением.

Это не может быть случайностью.

Глаза понемногу привыкают к вечной искусственной ночи. Пальцы касаются неровных стен. Сокамерник молчит. Я почти горжусь им. На фут выше меня, твердое от сильных мышц тело, сила обычного человека примерно моего возраста. Мир еще не сломал его. Сколько свободы в неведении...

— А что...

Я сильно дергаю его за футболку, чтобы молчал. Мы еще не прошли коридоры. У меня странное ощущение, что я защи-